

Утром Роман нарубил топором замерзшее мясо дайра - его оставалось килограмм четыреста - и сложил в задок саней. Шкуру и голову с мощными костяными чешуями он вычистил еще вчера; теперь же, разрезав по бокам, разведчик натянул ее на себя словно боевой доспех. Несмотря на массу спутанных волос, его голова свободно поместилась в черепе зверя. Лицо выглядывало меж широко раздвинутых челюстей с огромными клыками, затыльная кость прикрывала темя, грудь и живот - до самых колен - защищали крепкие, как сталь, пластины, вдоль спины тянулся острый гребень. Собственная шерсть теперь не только не мешала ему, но пришлась очень кстати, выполняя роль подкольчужной прокладки.

Он был так страшен в этом облачении, что собаки панически взвыли и с полчаса не подпускали его к себе. Но, к счастью, у снежного ящера действительно был очень слабый запах, и вскоре псы распознали человека под шкурой их страшного врага. Аквия лишь покачала головой в островерхом колпачке и ничего не сказала; после вчерашнего разговора она была молчалива и поглядывала на Романа с нескрываемым страхом. Он решил в этот день вести себя с женщиной помягче. Что было, то было; сейчас они оба нуждаются в каком-то минимуме доверия друг к другу, иначе их кости останутся тут, в мерзлых равнинах Дарсолана. Он не хотел, чтобы Аквия боялась его. Пусть лучше чувствует себя виноватой - сознание вины сделает ее разговорчивой, и тогда можно попытаться вывести кое-что насчет всех этих чудодейственных снадобий.

В то утро Роман принял одно важное решение. Он не тронет спейсер и не вернется домой по своей воле, пока его плоть покрывает эта звериная шкура. Максимов дал ему шестьдесят дней, и впереди еще много времени: хватит, чтобы два раза добраться до Берглиона. А там - там он предпримет кое-какие меры, чтобы Аквия выполнила свое обещание. Но до тех пор спейсер под запретом! Даже в минуту смертельной опасности! Он на самом деле лучше погибнет во льдах навечно замерзшего моря, чем отправится назад, не решив все свои проблемы.

Аквия сложила юрту, запрягла собак. Пес, вчерашний напарник Романа по охотничьей экспедиции, уже весело вилял обрубок хвоста; за ночь рана полностью зарубцевалась, и разведчик подозревал, что тут дело тоже не обошлось без волшебных снадобий Аквии. Молча они, сели в сани, и упряжка дружно потянула их по ущелью меж причудливых ледяных утесов. Потом нарты вырвались на равнину и полетели стрелой. Тихо шипел снег под полозьями, женщина изредка покрикивала на собак, багровый солнечный диск - раз в десять больше привычного - медленно, в торжественной тишине плыл над бело-фиолетовым саваном, навеки похоронившем океан.

Сравнивая продолжительность дня и ночи, Роман пришел к выводу, что они путешествуют отнюдь не в высоких широтах. Периоды света и тьмы были примерно равны, так что странники находились, скорее всего, где-то в районе умеренного пояса, между сороковой и пятидесятой параллелями. Но если здесь царит полярный климат, то, что, же творится на севере - на настоящем севере? Видимо, зона, пригодная для обитания человека, протянулась вдоль экватора. Там, как он понял из скупых замечаний Аквии, существует растительность, трава и деревья. И там, несомненно, сосредоточено основное население, сородичи этой странной женщины... Что же заставило ее отправиться в одиночку в такой страшный, тяжелый и опасный путь? Что гонит ее по этим мертвящим холодным снежным полям? Кто она? Беглянка? Преступница? Колдунья, осужденная на мучительную казнь?

И какая катастрофа произошла в этом мире? Совершенно ясно, что он не всегда был таким. Аквия упоминала про древние города... вероятно, в далеком прошлом тут бурлила жизнь, возникла машинная цивилизация - не ниже земной, судя по этим дискам-ватарам... Что же случилось потом? Необратимо нарушился экологический баланс планеты? Какие-то чудовищные эксперименты с климатом вызвали новый ледниковый период? Или все случилось

закономерно, естественным путем? Древний мир, древнее, гаснущее и умирающее светило... Да, Максимуму с его компанией ученых будет над, чем поразмыслить, когда он представит свой доклад! Если представит, поправил себя Роман.

После полудня за ними увязалась дюжина катрабов – медведеподобных созданий, одновременно похаживавших на огромных гиен. У них был желтоватый блестящий мех, могучие челюсти и широченные когтистые лапы; весили они, по прикидке разведчика, фунтов по шестьсот. Час за часом стоя упорно трусила по накатанному следу нарт, не переходя в атаку, но и не скрывая своего настойчивого и хищного интереса. Собаки заволновались; наконец, это молчаливое преследование стало раздражать и Романа. Он велел Аквии остановиться, взял копье и топор и направился прямо к зверям.

Они подпустили его на пять ярдов - видно, полагались больше на чутье, чем на зрение, а носы говорили, что легкая добыча сама движется к ним в пасть. Потом передние разглядели голову дайра, его страшные клыки и туманный перламутровый блеск панциря; вся стая с глухим ревом подалась обратно и ринулась, не разбирая дороги, в снежную пустыню.

В результате этого эпизода Роман заключил, что дайры пользуются среди местной живности непререкаемым авторитетом и бояться ему нечего. Удачно метнув копье, он перешиб хребет одной твари, затем добил ее топором. Аквия развернула и подогнала нарт, без слов наблюдая, как разведчик быстро свежует еще теплую тушу. Ободрав шкуру и слегка очистив ее от мездры, Роман швырнул ее в задок саней, на останки снежного ящера. Мясо он решил бросить; собаки еще не были голодны, а груз на нартах - довольно велик.

Странники вновь в молчании помчались к северу, поглядывая на светило, висевшее на локоть над горизонтом. Останавливаться на ночлег было еще рано; до сумерек упряжка одолеет еще немало миль, и где-нибудь да встретится подходящее для привала место - небольшая площадка в окружении торосов.

На этот раз молчание нарушил Роман.

- Аквия?

- Да? - такое холодное, замерзшее "да", словно ком снега, подобранный с этой ледяной равнины.

- Я не собираюсь тебя пытаться.

- Я знаю.

- И мстить тебе я тоже не хочу.

- Ты уже отомстил. Вчера.

- Значит, мы квиты?

- Можно считать и так...

Роман уткнулся подбородком в мохнатую грудь. Пожалуй, вчера он перегнул палку...

- Поговорим?

Она повернула к разведчику бледное лицо, обрамленное серебристым мехом капюшона, и тихо

спросила:

- Ты что-то хочешь узнать?

Да, этой женщине не откажешь в проницательности! Хорошо еще, что она не способна отчетливо читать мысли - все его мысли, подумал Роман. Вслух же он произнес:

- Только одно: ты больше не спрашиваешь, откуда я появился в вашем мире. Почему?

- Потому что ты не из нашего мира. Я поняла это сразу.

- Как?! - это был глупый вопрос, и Роман тут же пожалел, что задал его.

Аквия уклончиво повела плечиком; на подобные темы она предпочитала не распространяться. Возможно, знание ее было тайной; возможно, она просто не умела выразить его словами. Роман решил не настаивать.

- Что за место этот твой Берглион? - спросил он, меняя тему.

- Замок Помнящих.

- Ты уже говорила. О чем же они помнят?

- О прошлом...

- И ты хочешь послушать их рассказы?

- Не только. Хочу посмотреть.

- Увидеть прошлое? Разве такое возможно? - он был изумлен.

- Конечно, - последовал спокойный ответ. - Помнящие могут показать, как выглядел наш мир раньше... до того, как снега и льды покрыли сушу и море... - Аквия помолчала. - Говорят, что в незапамятные времена здесь плескалось теплое море меж двух континентов. Дар-со-ланн... - протяжные хрустальные звуки сорвались с бледно-розовых губ тремя осколками разбитого зеркала. Дарсолан - значит "ласковые волны"... Они струились от южных берегов, омывали Берглион - почти в самой середине моря, - и неслись дальше, на север... И везде была жизнь, Роан! Везде! Леса - зеленые, а не сине-фиолетовые, как сейчас... трава, цветы, желтый песок, бурые скалы, голубые озера, реки... Все краски, все оттенки, все, что теперь мертво... Понимаешь. Роан? - ее глаза стали огромными, как два бездонных колодца, полных изумрудной влаги, - Понимаешь? Увидеть такое хоть раз - и умереть!

- Ну, зачем же столь трагично, - пробормотал Роман с некоторым смущением; кажется, он начинал понимать эту женщину. - Увидеть и жить - так будет гораздо лучше.

- Разве тебе неясно? - Аквия вскинула на него вопрошающий взгляд. Наверное, в твоём мире сохранилось все, о чем я говорю. Но для меня увидеть прошлое мира - а потом это... - она махнула рукой в сторону безотрадной унылой равнины и покачала головой.

- Что ж, в снегах тоже есть своя красота, - заметил разведчик и сделал паузу, собираясь с мыслями. - В том мире, откуда я родом, живет одна девушка, которая тоже любит смотреть на прошлое. Видишь ли, у нас есть люди, художники, которые изображают красками на ткани и бумаге все, что хочешь... Других людей, животных, лес, море, облака, солнечные закаты и восходы... Они занимаются этим уже тысячи лет, так что мы знаем, как выглядел наш мир

раньше, - Роман вздохнул, невольно подумав, - что в определенных отношениях этот мир за последние две тысячи лет явно изменился к худшему. - Так вот, о девушке... - он вспомнил темные глаза и бархатистую кожу Елены и снова вздохнул. - Она показала мне картины мастера, который рисовал только снега и льды - ибо в нашем мире тоже есть и то, и другое. Его полотна... они... да, они были прекрасны! Они потрясли душу!

Замерев, с остановившимся взглядом, Аквия слушала его рассказ. Лицо ее побледнело, губы задрожали и приоткрылись в изумлении; потом она приложила к ним ладонь, словно пыталась сдержать крик.

- Значит... - ее обычно звонкий голосок вдруг стал хриплым, - значит, в твоём мире люди могут везде увидеть картины прошлого?

Роман с недоумением кивнул; он не мог понять, что ее так поразило.

- И таких картин много? Ты сказал - на ткани, на бумаге...

- ...на дереве, на камне, на металле - теперь художники рисуют на чем угодно, даже на живых людях. И полотен, старых и новых, столько, что на каждого жителя моего мира приходится несколько десятков - или сотен, точнее не могу сказать. Правда, не все они хороши. Есть, например...

Но Аквия не слушала его. С жадным любопытством она вцепилась в его руку и спросила - почти выкрикнула:

- Сколько?!

- Чего - сколько?

- Сколько жителей в твоём мире? Тысяча? Десять тысяч? Сто?

Роман невольно рассмеялся, представив Москву со стотысячным населением. Это было бы совсем неплохо! Но реальность выглядела несколько иначе.

- В одном городе моего мира тысяча тысяч людей. И таких городов - около трех тысяч. - Дать ей лучшее представление о человеческом муравейнике, кишачем на Земле, он не мог.

Аквия испытующе посмотрела на него, и тонкая морщинка вдруг прорезалась на ее лбу; Роман ощутил мгновенный острый укол под черепом, словно тонкая игла непонятной энергии пронзила мозг. Потом женщина медленно покачала головой.

- Это правда, но это - непредставимо... Людей больше, чем снежинок в огромном сугробе... и еще больше - того, что ты назвал полотнами...

- Но почему, же это удивляет тебя?

- Потому, что некоторые мудрецы Берглиона делают то же самое... Воспроизводят картины прошлого по древним образцам. Только их осталось совсем мало...

Так вот что она имела в виду, когда говорила о том, что может увидеть прошлое! Увидеть копии неимоверно старых картин тех сказочных, легендарных времен, когда на месте ледяной пустыни Дарсолана плескались теплые ласковые волны! Роман почувствовал жалость; на миг у него перехватило дыхание, потом он откашлялся и спросил:

- Значит, в Берглионе есть художники, которые рисуют картины красками на ткани?

- Нет, - Аквия, порозовев от волнения, вскинула руки, - они ткут ткани с картинами! Такие большие полосы ткани, - она показала широким жестом, длинные, яркие и разноцветные! И на них...

"Бог мой, - думал Роман, слушая звон серебристого колокольчика над ухом, - стоило ли переноситься в мир, где зеленые деревья и синее море можно увидеть только на гобеленах! На древних гобеленах, которые из века в век ткут фанатики в какой-то затерянной в снегах холодной каменной башне! Что полезного можно взять отсюда?"

Потом он вспомнил о мешках Аквии с таинственными снадобьями и покачал головой. Отсюда было что взять. И было что оставить.

- Когда мы придем в Берглион, - Роман широко ухмыльнулся, - я подарю свою шерсть гобеленным мастерам. Нити такого бурого цвета отлично подойдут для изображения самых мерзких гор, которые когда-либо высились на берегах Дарсолана.

* * *

На этот раз они разбили лагерь рядом с подернутой ледком промоиной, около очередной гряды торосов. Место это Аквии чем-то не понравилось, и она не хотела останавливаться тут, но Роман настоял - ему хотелось взглянуть на морских обитателей

Полынья - вернее, прорубь, - была явно выбита во льду человеческими руками; может быть, это и вызвало у Аквии тревогу. Неправильный квадрат двадцать на двадцать футов с тремя отвесными стенками в рост человека, с четвертой стороны к воде тянулся пологий откос. Прихватив несколько кусков мяса, нож и копье, Роман спустился вниз, разложил приманку у самого края и, прижавшись к ледяной стене, застыл в неподвижности. Холода он почти не чувствовал, но хотел есть - впрочем, не так сильно, как вчера.

Минут пять все было тихо. Темная поверхность воды просвечивала подо льдом, холодная и мрачная, видно, немало тысячелетий прошло с тех пор, как легкий бриз гнал ласковые волны по нагретой солнцем поверхности Дарсолана. Потом в темном колодце что-то шевельнулось - и вдруг, в стремительном низком прыжке пробив ледяную корку, на край полыньи выскочило похожее на небольшого тюленя существо. Раз! - и мясо исчезло о зубастой пасти, а ее обладатель шлепнулся обратно в воду. Тут же выскочил еще один "тюлень", за ним - третий и четвертый, но Роман был уже начеку. Глухо ударила пешня, пробив череп очередного воришки, и охотник, ухватив добычу за скользкий хвост, поволок ее наверх.

Солнце только наполовину успело опуститься за горизонт, по снегу побежали фиолетовые тени, но света еще хватало. Разведчик внимательно рассмотрел морское создание, потом взрезал ножом тугое белесое брюхо. Видимо, это существо в давние времена и вправду было тюленем, но с тех пор успело вырастить жабры. Странное полуживотное-полурыба, с перепончатыми плавниками и вертикальным хвостом, покрытое плотной жесткой шерстью, привлекло собак. Роман не стал снимать шкуру, а только рассек трехфутовую тушку на несколько больших кусков и хотел бросить псам. Но Аквия, уже успевшая поставить юрту, крикнула ему, что надо срезать несколько полос жира - в качестве топлива для их печки, и он снова склонился над тюленем.

Это и спасло его от серьезных неприятностей. Внезапно спину обдало потоком холодного воздуха, настолько мощным, что Роман ощутил проникшие сквозь шерсть ледяные укусы, и над его склоненной головой абсолютно бесшумно пронеслась какая-то тварь. Он успел заметить

только трехпалую лапу, подцепившую на лету добрый кусок мяса, да крылья размахом в четыре ярда. Поднявшись и ошеломленно покрутив головой, Роман уставился на темную точку, стремительно таявшую в фиолетовом небе. Миг, другой - и ее не стало.

Перебросив через плечо толстую полосу жира, разведчик зашагал к юрте, за его спиной слышалось смачное чавканье и хруст костей - собаки приступили к трапезе. Ни рычания, ни воя - они были на редкость миролюбивыми зверьми. И, как не раз уже отмечал Роман, на удивление преданными. Возможно, все земные псы тоже станут такими же, когда проживут с людьми еще пару-тройку миллионов лет.

- Что это было? - спросил он Аквию, показывая на небо.

- Где? - она подняла голову, всматриваясь в небосклон.

- Тварь с крыльями... Летает бесшумно, и лапы - вот такие, - Роман растопырил три мохнатых пальца.

- Стигарад. Плохо, - она удрученно покачала головой. - Эти создания гнездятся около стойбищ... Воруют остатки пищи.

- Л людей? Людей они не воруют?

- Случается...

Роман обвел взглядом фиолетовую стену торосов.

- Думаешь, туземцы близко? Что за племя?

Женщина пожала плечами.

- Дикари... Кочуют от проруби к проруби, сражаются из-за добычи с волками и катрабами - и друг с другом тоже.

- Они опасны?

- Тут все опасны, потому что голодны... И едят тут все и всех.

Они поужинали в настороженном молчании. Однако собаки не беспокоились, вокруг царил тишина, и Аквия тоже не ощущала никаких тревожных сигналов. Быстро растерев янтарную мазь, она юркнула под покрывало, не принимая на этот раз откровенных поз и не делая соблазнительных намеков. Роман снова прилег на снег и погрузился в полудрему. Он слышал, как Аквия вертится на своем ложе и тяжело вздыхает; один раз даже как будто уловил тихий шепот "Роан, Роан?" - но беспробудный сон уже сомкнул над ним ласковые крылья.

Сияющая голубая гладь Дарсолана раскинулась перед его очарованным взором; корабли с белоснежными парусами плыли к северу, к замку Берглион, взметнувшему в синеву гордые резные башни, золотые шпили, вымпелы и флаги; к Берглиону, где в тишине кабинетов с резной мебелью и сводчатыми потолками писали трактаты философы, сонм поэтов и музыкантов сочинял чудеснейшие в мире песни, а маги-ткачи трудились над гобеленами, расцветавшими всеми красками мира, яркого и по-молодому пленительного. Над головой странника шумели ветви могучих сосен с золотистой корой, зеленая трава с яркими душистыми цветами волновалась, как море, перистые легкие облака проплывали и небо, с юной победной мощью сияло солнце, даритель жизни...

Роман Гилев спал. Но видел ли он свои сны?

<http://tl.rulate.ru/book/22670/481723>